

«ВОСПОМИНАНИЯ В.Л.КРЕТОВИЧА О ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ»

Воспоминания В.Л. Кретовича о детстве и юности были написаны В.Л.Кретовичем в 1992 году. Запись любезно предоставлена внуком П.Г.Черёмушкиным.

Родители мои происходили из крестьян Волынской губернии. Родиной отца была деревня Свинна под Староконстантиновым. После пожара, уничтожившего урожай, отец — Леон Ксаверьевич Кретович был вынужден поехать на работу в Ялту к дальнему родственнику Петру Казимировичу Бялокуру. Отцу было в это время 16 лет и он впервые ехал по железной дороге и на пароходе по Чёрному морю из Одессы в Ялту. Бялокур в это время жил далеко за городом в своем имении Бялокуровка, расположенном на 9,5 десятинах земли, из которых 3,5 десятины были под виноградником. За виноградником и садом ухаживал некто пан Ян Новодворский, к которому в помощь был определен мой отец. В это время он научился ухаживать за виноградом и делать вино.

Отцом моей матери Янины Фадеевны был Тадеуш Неймак. Он служил механиком в имении богачей Дорожинских. В семье деда по матери было 5 сыновей и две дочери. Один сын стал также как и отец механиком и служил в имении аристократов графов Тышкевичей, второй был ксендзом, окончил в Риме духовную семинарию и позже в Польше стал ректором духовной семинарии в Луцке. Его расстреляли то ли наши, то ли немцы в 1944 году. Другой из сыновей уехал в Аргентину. Четвертый из сыновей деда был мобилизован во время войны 1914 года, дослужился до командира полка и вероятно был убит во время революции или гражданской войны. Пятый сын умер от туберкулеза. Мне кажется, история этой семьи очень типична. Вскоре после приезда отца в Ялту Бялокур приобрел неудобный участок земли в деревне Аутка (пригород Ялты), построил там дом и великолепно разделал сад вокруг дома. Тут же он построил большой подвал для вина и полностью его оборудовал. Таким образом была организована фирма "Вина П.К.Бялокура, Ялта". Дом Бялокура состоит из 4 больших комнат, трёх маленьких, кухни, холодной кладовой и хозяйственных построек. Мы жили во флигеле, в котором были 3 небольшие комнаты и кухонка во дворе. Был еще один флигель, состоявший из двух комнат, в котором жили друг моего отца, служащий банка Стефан Николаевич Гриневич и кухарка Бялокура с мужем. На территории, прилегающей к дому был небольшой сад, состоявший из персиков, яблоней и небольшого виноградника. В этом саду была пасека, состоявшая из 12 ульев системы Левицкого. Мой отец фактически стал управляющим как имением Бялокуровка, так и владением, которое имел Бялокур в Аутке. На Бялокуровке постоянно жил садовник Лавертий Бочкарь с семьей. По соседству жили татары Мачинские и Вейрадские, а также грек Фома Попандопуло. Отношения между всеми этими людьми были очень хорошими.

Моя мама, желая материально помочь отцу, стала давать обеды. У нас было три столовника — все трое были счетоводами в местном банке. Это был друг моего отца Стефан Николаевич Гриневич, Иван Васильевич Ваньков и итальянец из Феодосии Скочимаро. У меня установились очень хорошие отношения с

И.В.Ваньковым. Дело в том, что он был натуралист-любитель. Во время своих экскурсий в горы (а он это делал каждый выходной день) он обычно собирал гербарий и различные окаменелости. Меня всё это очень интересовало и я с тех пор пристрастился к собиранию гербария и чтению различных ботанических книг. Кроме того, он имел у себя небольшой садик, где выращивал некоторые редкие крымские растения. В 1914 году я поступил в пригготовительный класс Ялтинской мужской гимназии. Директором гимназии был чех Иван Юрьевич Сабингус, расстрелянный после установления советской власти в ноябре 1920 года. После революции 1917 года стало совершенно ясно, что Бялокуровка будет отнята у её хозяина и садовник Лаврентий Бочкарь уехал к себе на родину в деревню Богачка на Полтавщине.

В аутском доме остался Бялокур с внуком, а наша семья: отец, мать и мы с братом переехали на Бялокуровку. С нами переехал туда и С.Н.Гриневич. Мы жили там с 1918 по 1923 годы. Это были страшные годы. В 1918 году в Ялту вступили немцы, а затем до 1920 года власти менялись очень часто. После установления Советской власти в ноябре 1920 года начались непрерывные обыски, расстрелы, реквизиции продовольствия. Это были годы страшного голода в Крыму — даже были случаи людоедства. Я помню, что в местной газете было сообщение о том, что в Симферополе был установлен факт торговли пироженками из человеческого мяса. Я своими глазами видел как женщина ела сырое мясо дельфина. Люди умирали от голода прямо на улицах. Когда я шёл утром в школу, то встречал телегу, в которой везли трупы людей, умерших от голода прямо на улице. Их везли на братское кладбище. Правда, в то время большую помощь, особенно детям, оказала АРА (*американская организация занимающаяся гуманитарной помощью – прим. ред.*).

Там, где мы жили было большое поле, которое раньше было под табаком. Мы его перекопали и засеяли пшеницей. Урожай был довольно большой. Мы сообща обмолотили пшеницу, а знакомый грек сделал нам небольшую мельничку из двух жерновов и мы на ней молотили пшеницу и получали крупу — булгур. Эта пшеница очень сильно поддержала нас в эти голодные годы.

Рядом с нашей территорией была старая известковая печь. Поскольку для ремонта различных строений и для нового строительства нужна была известь, местные власти решили восстановить эту печь и был назначен директор печи — бывший владелец известковых заводов в Белгороде — Даниил Соломонович Штейнберг. Мой отец (поскольку у нас была лошаденка) был зачислен в штат этого известкового завода возчиком, а сам Штейнберг жил у нас и столовался. Поскольку мы жили далеко за городом, нам было легко прятать продовольствие. Обычно мы прятали продовольствие в сундуке, который закапывали в сарае для сена.

Процветал бандитизм и нам приходилось иметь оружие для защиты от бандитов. Отец и С.Н.Гриневич по ночам дежурили с винтовками для защиты. Это было по-видимому в конце 1922 года, когда нас ограбила банда Петерсона, человек около 20 все в красноармейской форме, прекрасно вооруженные винтовками и гранатами. С ними вместе был наш сосед Никифор Артюшенко, который жил ещё дальше нас фактически в лесу. Правда, на следующий день всех

их окружило ЧК в какой-то каменоломне и расстреляло из пулеметов. В том числе и главаря банды Петерсона. В эти годы был голод в Крыму. В 1924 году я окончил среднюю школу, которая называлась в это время Ялтинский общеобразовательный техникум и сразу поступил на Ай-Петринскую метеорологическую станцию в качестве младшего наблюдателя. Там я проработал до начала 1925 года и мои родители решили, что мне лучше уехать учиться в Польшу, где были мой дядя и доктор Ф.П.Бялокур. В июле 1925 года я уехал в Польшу. Нужно сказать, что поездка эта была очень неудачной, так как ни дядю, ни доктора Бялокура я не застал — они были в отпусках. Я поселился у нашей знакомой пани Мочульской в Варшаве. Должен сказать, что мне в Польше вообще очень не понравилось т.к. там была очень неприятная антисоветская атмосфера. Поэтому через неделю я решил возвращаться домой и вернулся в Ялту. По возвращении я поступил в качестве научно-технического сотрудника в Ялтинский краеведческий музей, где директором в то время был мой бывший школьный учитель Григорий Яковлевич Росселевич. Проработал я там до июля 1926 года, когда я сдал вступительные экзамены в Московский университет и был принят туда, уже будучи членом профсоюза. Моя обязанность состояла в том, чтобы рассказывать посетителям музея о природе и истории Крыма. Я работал в музее и во время моего отпуска в 1927 и 1928 году. Поскольку фирма Бялокура была ликвидирована, отец мой остался без средств к существованию. Поэтому для того, чтобы содержать семью вместе со Степаном Захаровичем Ткаченко он открыл на старом базаре лавченку — бакалею. Это было, я думаю, в 1924 году. Я с 1926 года учился в Москве, в университете и последний раз приезжал домой в 1928 году. Позже это сделать было нельзя, поскольку моих родителей начали преследовать. Их выселили из Бялокуровского дома и они поселились у Ткаченко. Затем их арестовали и содержали в Массандровских казармах вместе с другими бывшими "буржуями", как например, мать моих товарищей Асеевых, которой в то время было уже лет под 70. Отец все таки имел возможность подрабатывать плотником и они как-то существовали. Я им старался помогать как мог — посылал посылки. Помню послал посылку с огромным куском маргарина. В июле 1931 года я заканчивал университет, а родителей и брата в это время выслали в тайгу, под Архангельск. Однако они в тот же день оттуда убежали. Сначала добрались через лес до какой-то железнодорожной станции, затем до Архангельска, а оттуда на пароходе до Котласа и потом в Москву, ко мне. Поскольку у мамы сохранился паспорт — бумага, в которой были записаны отец, мать и брат, то они вскоре, благодаря помощи знакомой врача, получили паспорта. Брат стал работать электриком на радио и прописался у меня. Отец получил рекомендации от знакомых виноделов и устроился на работу виноделом на винном заводе в Канавино, а затем перешёл Горьковский завод шампанских вин. Он получил в Горьком квартиру, а затем получил хорошую квартиру на Горьковском шампанском заводе и забрал к себе мать. Они прожили там до 1949 года. Когда умерла моя мать, отец переехал в Ленинград к брату. Брат в это время развелся с женой и купил пол-дома под Ленинградом в Лахте. Отец поступил на работу в качестве винодела, на Ленинградский шампанский завод. Там его очень подвели — приписали расход вина на 10000 тысяч рублей. Я, правда, всё заплатил. Вскоре отец перешёл на пенсию и умер от удара.